

ибанцев к гостям издалека. «Хорошо, что тут не пролетала такая маленькая птичка, не знаю, как по-английски называется, у которой крик похож на “я-тебе-глаза-выцарапаю, я-тебе-глаза-выцарапаю”, а то бы нас могли и не принять», — шепнул в мою сторону Бен. Дети были в школе, взрослые — на полях, поэтому на руаи было немногочленно. Я заметил, что на некоторых дверях, ведущих в билики, висели пчелиные соты. Оказалось, это средство отпугивания злых духов ханту. Вместо того чтобы просто войти в жилище, ханту начинают считать соты, сбиваются и, фрустрированные, убираются восвояси.

До середины XIX века европейцы старались обходить Саравак стороной: на побережье орудовали пираты, в глубине острова — ибанцы. Бен рассказывал, что когда-то последние мирно жили в джунглях,

пока другие племена не стали захватывать их территории, хотя я прочитал, что ибанцы мигрировали в Саравак из южного Калимантана в XVI веке, вытесняя другие племена и устрашая их воплем «я из твоей мошонки себе табакерку сделаю!». Традиция коллекционировать черепа началась с того, что у убитого в бою противника отрезали волосы для украшения щита и рукоятки короткого меча паранга, ну а потом уже стали всю голову уносить с собой и коптить. «Обладать головой значило завладеть духом и силой ума ее бывшего владельца. Чем больше голов было у воина, тем больше ему уважения, тем красивее у него жена», — радовался Бен, что нашел элегантное объяснение обычаю.

Во время Второй мировой англичане заслали на Борнео спецподразделения, которые создали из ибанцев летучие отряды. Японские солдаты слышали «пшик-пшик» и даже не успевали понять, в чем дело, а уже корчились на земле, сраженные стрелами, выпущенными из духового ружья и смазанными ядом из смолы дерева ипо. Стоило британцам посмотреть в другую сторону, как ибанцы тут же запасались черепами убитых японцев — не пропадать же добру, из-за чего разгорелся скандал, потому что разлучение головы и тела противника нарушало Женевскую конвенцию. Большинство черепов, хранящихся в лонгхаусах, остались с тех времен. «А как сегодня молодому ибанцу заполучить красивую жену?» — спросил я Бена. «Два буйвола идут вместо одного черепа, а еще лучше устроиться на работу на нефтяной платформе в Брунее и привезти ей швейную машину».

Ближе к вечеру подтянулась детвора и вернулись со своих заимок взрослые; на циновках появилась еда — саго и курятина, приготовленная в закупоренной бамбуковой емкости. Мне поднесли стакан туака — единственный стеклянный, все остальные пили туак и лангка, который градусует под 40 будет, из бамбуковых плошек. Принимали ибанцы душевно, и когда зеленое насекомое, размером и шумом напоминающее вертолет, приземлилось

в моей тарелке, подюжины рук рванулись его ликвидировать. Женщины станцевали традиционный нгаджат, нацепили мне на голову обруч с перьями и дали понять, что теперь мой черед. Я сделал несколько па, и разогретые лангка ибанцы легли на пол и смеялись лежа, что означало у них высшую степень веселья.

Ночь прошла тревожно: во сне оживали и скрежетали зубами черепа в сетке — ибанцы верят, что это духи бывших хозяев чем-то недовольны; под лонгхаусом ковырялись свиньи; в лесу бесновались цикады и лягушки, да и ханту, наверное, основательно пробовали поработать надо мной, радуясь отсутствию арифметического фильтра. Я проснулся от криков гиббонов, что по ибанским часам соответствовало пяти утра. Туаирума, старейшина лонгхауса, у которого на груди были вытатуированы цветок гиббискуса и по птице-носорогу, эмблеме Саравака, по обе стороны от него, уже бодрствовал. «Дождь, все время дождь, нечего делать», — сказал он как бы в оправдание, мол, чем же еще было заняться дождливыми днями, кроме как наколками, и предложил показать мне свой билик. Там было довольно по-спартански, если не считать телевизора, дивана, до сих пор обтянутого полиэтиленовой пленкой, и целой батареи огромных китайских ваз, наличие которых в ибанском хозяйстве, как и черепов, издавна определяло положение их владельца.

И тут я понял, что эта погоня за статусом делает ибанцев совсем похожими на нас. И хотя далеко не каждый будет повышать его именно черепами, я давно уже привык не лезть со своим уставом в чужой монастырь. Я расслабился и провел с ибанцами пару замечательных дней за ловлей рыбы, сбором медицинских растений в лесу, охотой на питонов и обязательным вечерним распитием туака, когда вздохи и кивания заменяли нам слова. И, засыпая вечером, думал, что если мой череп вдруг потом и окажется в ротанговой сетке, то у него не будет никаких оснований скрежетать зубами по поводу этих дней на Борнео.